

Статьей 28 Конституции Республики Беларусь закреплено право лица на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь и предоставлена возможность требовать от государства обеспечения уголовно-правовой охраны тайны усыновления [5]. Статьей 177 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрена ответственность за умышленное разглашение тайны усыновления против воли усыновителя или усыновленного. На сегодняшний день, согласно статье 177 УК предусматривается наказание общественными работами, или штрафом, или исправительными работами на срок до одного года за умышленное разглашение тайны усыновления (удочерения) против воли усыновителя или усыновленного (удочеренной) [6].

Актуальным будет пересмотр мер наказания за разглашение тайны усыновления и ужесточения данных мер. Ведь сохранение тайны усыновления – это сохранение интересов не только усыновленного, но и его усыновителей. В случаях, если разглашение тайны усыновления касается международного усыновления, целесообразно внедрить в статью 177 УК Республики Беларусь иностранных усыновителей. В первую очередь, это обуславливается защитой прав и интересов несовершеннолетнего, что сказывается на благоприятных семейных отношениях в иностранной семье.

**Заключение.** Подводя итоги, следует сделать вывод о необходимости охраны института тайны усыновления. Целесообразно сократить срок изменения даты рождения ребенка, а, следовательно, внести изменения в ч. 5 ст. 132 КоБС, изложив ее в следующей редакции: «В исключительных случаях для обеспечения тайны усыновления по просьбе усыновителей может быть изменена дата рождения ребенка, но не более чем на три месяца в течение первых трех лет жизни ребенка, а также место его рождения в пределах Республики Беларусь». Также актуальным будет ужесточение ответственности за умышленное разглашение тайны усыновления против воли усыновителя или усыновленного. Таким образом, дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего вопросы тайны усыновления, будет способствовать более эффективному обеспечению прав детей.

1. Международное семейное право для специальности 1-24 01 01 Международное право: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост. О.П. Михайлова. - Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. - 60 с. <https://rep.vsu.by/handle/123456789/20417>

2. Косова, О.Ю. Семейное и наследственное право России: учеб. пособие / О.Ю. Косова. – Москва: Статут, 2001. – 311 с.

3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2025.

4. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 29 декабря 1995 г., №223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 23.11 2024 г. (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_8982/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/)(дата обращения: 13.03.2025).

5. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. - Минск: Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. - 109 с.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г., № 61-З // ЭТАЛОН: информ. - поисковая система (дата обращения: 14.03.2025).

## **ROLE-PLAYING WITH LARGE LANGUAGE MODELS IN TEACHING BUSINESS ENGLISH: FINANCIAL DISCOURSE**

**Andrenko K.V.,**

*5<sup>th</sup> year student of BrSU named after A.Pushkin, Brest, Republic of Belarus*

*Scientific supervisor – Kontsevov M.P.*

The rapid evolution of Large Language Models (LLMs) has transformed educational practices, particularly in the domain of Business English teaching. These models, trained on vast corpora of human-generated text, enable the simulation of professional roles and facilitate interactive learning experiences. The relevance of this study lies in its exploration of how LLMs can bridge

linguistic training with the development of specialized discourses, such as financial discourse, which is essential for professionals navigating global business environments. For instance, adapting to financial tasks, generating professional narratives well-suited for role-playing scenarios in education of LLMs are crucial for Business English teaching [1, 2]. Allen Huang highlights the precision of LLMs in handling financial terminology, a key factor for authentic discourse in Business English [3]. Lastly, LLMs can bridge linguistic training with professional competence in financial contexts [4]. Together, these studies affirm that role-playing with LLMs can significantly enhance the development of financial discourse within educational frameworks. The aim of this research is to investigate how LLMs, through role-playing, can emulate professional roles like that of a financial consultant and adapt their language to foster the formation of financial discourse in Business English education. By leveraging LLMs' ability to generate contextually appropriate responses, this study seeks to highlight their potential as tools for enhancing both linguistic and domain-specific competence.

**Material and methods.** The study utilized Grok 3, a beta-version LLM developed by xAI, as the primary tool for conducting role-playing experiments. The methodology involved designing a scenario where Grok 3 was prompted to assume the role of a financial consultant tasked with assessing and improving a learner's financial literacy.

**Results and their discussion.** An LLM, which stands for Large Language Model, is a neural network that has been trained on a large amount of text created by humans. It has the ability to predict the next word or token based on a sequence of words or tokens that have been given as context. Despite the fact that an LLM is fundamentally different from a human, it can convincingly imitate human language use when embedded in a turn-taking dialogue system.

Also, an LLM is a machine that can generate a large number of simulacra, or characters, that are consistent with the context of a conversation. The nature of the simulator allows users to explore different branches of a conversation and keep track of divergences in the narrative.

The role-play framing of LLM-based dialogue agents allows for the simulation of characters and the maintenance of a set of possible roles in superposition. This means that the dialogue agent does not commit to playing a single, well-defined role in advance, but rather generates a distribution of characters and refines that distribution as the dialogue progresses. The dialogue agent is more like a performer in improvisational theatre, capable of stochastically generating an infinity of simulacra. From the simulation and simulacra point of view, the dialogue agent will role-play a set of characters in superposition, with each character having its own theory of selfhood consistent with the dialogue prompt and the conversation up to that point. As the conversation proceeds, this superposition of theories will collapse into a narrower and narrower distribution as the agent says things that rule out one theory or another. This approach allows for a nuanced view of dialogue agents as a superposition of simulacra within a multiverse of possible characters.

Proceeding from the above, we can imagine LLM as a character in the form of a service that not only answers our questions, but can also ask us its own. Thus, when communicating with the LLM service, we can ask it to assess our knowledge, help us come up with questions or clarify the context, taking into account the age and level of training of the interlocutor, as well as the topic of the material being discussed (for example, material about finance will be very different depending on whether economics is its professional field or it is a general education subject).

We asked the chatbot Grok 3 beta to provide us with a financial literacy test [5]. The prompt provided to the model was: «You're an expert in finance sphere. Give me a financial literacy test, please». This approach allowed the LLM to simulate a professional interaction, generating a five-question quiz on topics such as budgeting, interest rates, and investing, followed by detailed explanations tailored to the learner's responses.

To evaluate the LLM's ability to adapt its language to the financial context, the dialogue was analyzed for the use of domain-specific terminology (e.g., «compound interest», «diversifica-

tion»), syntactic structures typical of financial consultations (e.g., explanatory cause-effect statements), and the clarity of feedback provided. The analysis focused on how Grok 3 adjusted its linguistic output to align with the professional register of a financial consultant, ensuring accessibility for a Business English learner while maintaining accuracy in financial concepts. In the dialogue with Grok 3, terms such as «budgeting», «compound interest», and «credit score» were introduced and contextualized, reflecting the lexical and conceptual framework of financial discourse. Its feedback also included corrective guidance. This reflects a consultant's role in not only informing but also correcting misconceptions, a critical aspect of financial education.

The discussion of these findings highlights two key strengths of LLMs in role-playing. First, their ability to simulate professional roles relies on their capacity to maintain a coherent «theory of selfhood» aligned with the prompt – in this case, a financial consultant's expertise and demeanor. Second, their linguistic flexibility allows them to tailor responses to the learner's level, shifting from technical precision to accessible explanations as needed. However, a limitation emerged: without explicit prompting, the LLM did not spontaneously introduce related topics (e.g., tax implications of investments), suggesting that its role-playing depth depends on the specificity of the user's instructions.

**Conclusion.** Thus, LLMs open a qualitatively new stage of educational role-playing games. LLM should be seen as a game character that not only answers questions, but is also the source of them. The study demonstrates that LLM-based role-playing enhances the formation of financial discourse by contextualizing specialized terminology and simulating professional scenarios. Further integration of legal discourse could expand its potential, making LLMs a versatile tool for Business English teaching in interdisciplinary contexts. However, it's worth remembering that large language models can «hallucinate», so their responses need to be checked.

1. Nie, Y. A Survey of Large Language Models for Financial Applications: Progress, Prospects and Challenges [Electronic resource] / Yuqi Nie, Yifan Zhao, et al. – Ithaca: arXiv.org, 2024. – Mode of access: <https://arxiv.org/abs/2406.11903>. – Date of access: 12.03.2025.
2. Kim, A. Financial Statement Analysis with Large Language Models [Electronic resource] / Alex Kim, Maximilian Muhn, Valeri Nikolaev. – Ithaca: arXiv.org, 2024. – Mode of access: <https://arxiv.org/abs/2407.17866>. – Date of access: 10.03.2025.
3. Huang, A. FinBERT: A Large Language Model for Extracting Information from Financial Text [Electronic resource] / Allen Huang, Hui Wang, Yi Yang. – Hoboken: Wiley Online Library, 2022. – Mode of access: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1911-3846.12832>. – Date of access: 05.03.2025.
4. Tenzer, H. Language in International Business: A Review and Agenda for Future Research [Electronic resource] / H. Tenzer, et al. – Berlin: Springer, 2017. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11575-017-0319-x>. – Date of access: 14.03.2025.
5. Role-playing with Large Language Models in teaching Business English: financial discourse [Electronic resource]. – Mode of access: <https://telegra.ph/ROLE-PLAYING-WITH-LARGE-LANGUAGE-MODELS-IN-TEACHING-BUSINESS-ENGLISH-03-14>. – Date of access: 24.02.2025.

## ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Анюховская А.М.,*

*студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь*  
Научный руководитель – Хилькевич В.В., ст. преподаватель

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, совершивших преступления. Данная потребность возникает в связи с сохраняющейся остротой проблемы подростковой преступности и различиями в подходах к уголовной ответственности несовершеннолетних в Беларуси и России, что требует сравнительного анализа для совершенствования законодательства и практики его применения.

**Материал и методы.** Основными материалами исследования являются нормы уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. В процессе ис-